

Александр Рубцов

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И КАРКАС КАТЕГОРИЙ

1. К методологии проекта. Издательская стратегия как прообраз исследовательской программы

«Нет разницы между тем, о чем говорит книга, и способом, каким она сделана».

Делез Ж., Гваттари Ф.¹

1.1.

Такие «вечные» и потенциально неисчерпаемые темы, как «Российский проект цивилизационного развития», вообще не предполагают сколько-нибудь объяснимого завершения. Но вместе с тем именно мегапроекты такого рода нуждаются в специально проработанных представлениях о тематической и проблемной *полноте предмета*. Чем масштабнее задача, тем более значимо движение от общего к частному — от образов и понятий *гипотетического целого*. То, что в рабочем конструировании называется *правильно сформированный состав проекта*, исключает чрезмерные флюсы, а главное — недопустимые пропуски в ключевых развилках, в множествах объектов и проблем. Если проект что-то опускает (а это всегда в той или иной мере неизбежно), это «что-то» должно быть известно и эксплицитно обозначено — насколько это вообще возможно на каждом из этапов. Ограниченность ресурсов не должна выглядеть как ограниченность кругозора.

Это особенно актуально для коллективов, давно живущих и работающих вместе. Им бывает свойственно настолько оукливаться в любимых сюжетах, что простейшая КТ потенциального содержания показывает до трёх четвертей неработающей поверхности. Важнейшие проблемные направления выпадают из поля зрения и, более того,

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. С. 7.

блокируются на входе как вносящие дискомфорт в мирную жизнь сообщества. В запущенных случаях приходится идти на искусственную вентиляцию мозга с последующей «раскачкой дыхания» при помощи специальных аналитических упражнений.

Одно из упражнений такого рода — *контурное картирование содержания* — позволяет расширить даже очень ужатую повестку до «круга аналитических интересов здорового человека». Подобно компьютерной игре в «Цивилизацию», захват целого здесь также осуществляется особого рода симуляцией. В данном случае это может быть, например, сборка *оглавления финального, сводного отчёта* — постоянно корректируемая и пополняемая, но именно опережающая. Понятно, насколько такая полнота условна, однако в идеале прием должен позволять пристойно закрыть проект на любой стадии, не оставляя при этом впечатления профессиональной неполноценности целого коллектива. Иначе работа превращается в вечно незавершённый ликбез с постоянно опаздывающим «освоением матчасти», когда в установочных текстах с претензией на интегральный подход легко выпадают фундаментальные проблемы, включая судьбоносные для страны и требующие решения, что называется, по жизненным показаниям.

Обратное движение «от структурной гипотезы продукта» востребовано уже на уровне издательских стратегий. Дело даже не в особенностях министерского госзадания, все еще фиксированного на количестве публикаций и на формальных (квартильных) показателях их «качества». Как уже отмечалось, опережающего обзора (пусть сколь угодно эскизного) требует сама специфика «очень большой программы». Из видения границ и общей структуры проблемно-тематического контента следуют оргвыводы, касающиеся сборки коллективов, стратегий сотрудничества, кадровой политики и политики стимулирования, аналитического обеспечения, информационной поддержки, внедрения и утилизации результатов. Иными словами, максимально полный состав темы здесь объективен и первичен, а текущее состояние организации и коллектива-исполнителя — субъективно и вторично.

Программирование в формате «эскиз финала» не означает заорганизованности. Наоборот, оно исходит из понимания, что особо ценные результаты в науке сплошь и рядом возникают именно вне планов — как открытие Америки. Но чтобы так «продуктивно заблудиться», сначала все же необходимо было заняться прокладкой маршрута в Индию, причём не в каботажном варианте, а именно «на карте мира», какой она

была в то время. Философия тем более исходит из презумпции, во-первых, предельных оснований, а во-вторых, искомой полноты картины мира или хотя бы ее обсуждаемого фрагмента.

В социо-гуманитарном знании фактор «непредсказуемости откровений» особенно важен. Здесь результаты чаще ожидаемы именно в самотеке, в стихийной самодеятельности индивидуальных авторов и микрогрупп. Однако корпус претенциозных изданий, которые уже по своему формату и статусу будут с самого начала восприниматься как «лицо проекта», желательно готовить с учетом пусть очень предварительной и непрерывно модифицируемой, но все же именно *программы*. Многое в итоге наверняка получится совсем иначе, чем виделось в начале и в ходе работы, однако «образ будущего» проекта на разных этапах его реализации часто подсказывает перспективные направления или, наоборот, возможные риски.

1.2.

Такого рода риски обнаруживаются уже на уровне названий ключевых монографий. Первая же книга не может называться, как и вся тема, поскольку тут же возникают вопросы с названиями следующих трудов этой линейки. Но даже если проблема решается, например, добавлением подзаголовков, и в этом случае логика таких «расширений» должна быть намечена заранее. Если с самого начала в рабочих вариантах попытаться обозначить хотя бы второй и третий подзаголовки, это может скорректировать и проект первой книги. «Как корабль назовёшь, так он и утонет».

Понятно, что данный вопрос выходит далеко за рамки игры слов на обложках, в титулах и библиографиях, но затрагивает структуру, формат и жанры самих изданий, а также методы сборки людей и текстов. На стадии запуска почти неизбежен облегчённый приём – собрать заявки (особенно если даже без тем, а только с именами и сроками) и превратить будущие отдельные статьи в главы «коллективной монографии» с хотя и понятной, но все же именно априорной, дежурной структурой (например: «Теория», «История», «Современность»)². Но в проектах, сверхординарных по

² Важно лишь, чтобы такое деление на разделы не слишком насильствовало тексты, по самой своей предметности и типу проблематизации

сложности и многоаспектности, проблемы состыковки часто проявляются впоследствии с нарастающей силой. Уже следующие книги такого ряда не без оснований начинают восприниматься сначала как обычные сборники, затем как выпуски альманаха, а в итоге и вовсе как номера сверхтолстого «журнала» — в твёрдом переплёте и с аномальной периодичностью. Этому тем более способствует неизбежная в таких случаях пестрота авторских стилей, а главное, подходов. Часто свободное «многообразие точек зрения» в какой-то момент начинает восприниматься как недоработка именно в силу неадаптированной для этого жесткости формы при недостаточной диверсификации общей издательской стратегии.

В таких случаях отчасти помогает, например, чуть более сложная и гибкая структура томов, включающая не только стандартные для классической монографии разделы и главы, но также разные форматы и жанры³. Не совсем линейные, разноформатные композиции снижают претензии к случайности и фрагментарности целого, более соответствуя образу живой работы и самой идее открытого поиска. Особенно это значимо на начальных стадиях больших проектов, когда команда ищет не только идеи, но также формы взаимодействия и коллективной репрезентации.

относящиеся одновременно к двум, а то и ко всем трём разделам книги (см., например, уже обсуждавшийся текст Ю. Гранина). Если отдельные тексты придётся резать и делить между разделами, это может сказаться на представлении целостных авторских концепций.

³ Так в книге «Философия и идеология. От Маркса до постмодерна» (М.: Прогресс-Традиция, 2018) в первом разделе классическими главами были представлены проблемно взаимосвязанные доклады: «Философия как критика идеологий» (Э. Ю. Соловьев), «Философия как идеология» (В. М. Межуев) и «Иллюзии деидеологизации. К концепции “диффузной” и “проникающей” идеологии» (А. В. Рубцов); во втором разделе были собраны авторизованные материалы круглого стола «Философия и идеология; иллюзия деидеологизации» и, наконец, завершал издание отдельный блок статей, написанных авторами докладов на конференции «Карл Маркс и философия марксизма», посвящённой 200-летию со дня рождения Карла Маркса.

2. Методика и смысл «контурного картирования»

«Вычеркнутые слова остаются».

Виктор Эльконин⁴.

2.1.

Обсуждение публикационных стратегий прямо выводит на макроструктуру самого исследования, на проблемы его нарезки и этапности, границ, направлений и слоёв. При этом принципиально важна работа именно с *контурной* картой. Часто именно отягощённость интересной конкретикой мешает увидеть целое в его собственной логике (или в ее отсутствии). В итоге неизбежная вначале случайная фрагментарность всего проекта консервируется, становится хронической и необратимой.

Поскольку смысл каждого фрагмента речи или письма определяется в конечном счёте контекстом, таким контекстом в контурной карте могут быть даже простые обозначения тематических направлений или проблем – «пустые соседства». Пустое, но корректно обозначенное, в этой процедуре ценнее детально расписанного. Особые преимущества графической схемы над натуральной аэрофото- или космической съёмкой очевидны в любом автомобильном навигаторе при переключении опции «Вид» между позициями «Схема» и «Космос». Либо мы с интересом разглядываем на экране фото деревьев и крыш – либо все же понимаем, как и куда ехать.

Склейка готовых статей даёт рабочий материал, но может и затруднять подобную ориентацию. Контурная карта в собственном смысле слова предполагает единую географию, локальные зоны которой «закрашиваются» последовательно или одновременно, но именно в общей

⁴ Чтобы имя не воспринималось как ошибка: Виктор Эльконин — художник, младший брат психолога Даниила Эльконина. Для сравнения см. также: Котова М. Черновики Михаила Булгакова (о чем говорят сожженные страницы, вычеркнутые слова, стертые имена и пометки карандашом) <https://www.liveinternet.ru/users/bo4kameda/post435594584/>

навигации, каждая на своём месте. Если же такой общей навигации нет, расцветенные лоскуты сшиваются в книгах непосредственно друг с другом по мере поступления — просто потому, что так «исторически сложилось». В итоге Тамбов картируется встык с Провансом и т.д. и т.п., из тома в том.

Максималистские обзоры общего контекста необходимы уже на этапе самоопределения проекта в плане его научных претензий и политических амбиций. В нашем случае речь вряд ли может идти о прямом уподоблении масштабирующим образцам от Школы «Анналов» до Института Конфуция, не говоря уже об Институте мировых цивилизаций. Однако такой опыт необходимо иметь в виду как фон, на котором компетентная критика обычно воспринимает амбиции и результаты всех подобных проектов, особенно если претензии этих проектов предъявлены на широкую ногу — едва ли не как дар новой России заблудшему человечеству.

Важно также учитывать, что «фоновые» программы-прецеденты могут быть исполнены в самых разных жанрах и типах институционализации: «Москва — Третий Рим», Русская идея и Советский проект коммунистического строительства; сборка германских империй от «Священной Римской империи германской нации» до глобального проекта нацизма и идеологии послевоенной реабилитации Германии (план Белля); American Dream, American Exceptionalism; Canadian Identity, «Canadiana»; Pacific Identity в австралийской итерации; японская модель (Japanese Uniqueness: Nihonron, Nihonjinron); Панарабизм и арабский национализм («аль-каумийя аль-арабийя»); кемализм и «Шесть стрел Ататюрка», новый Пантюркизм и «Видение 2023»; китайский ЭПШП («Один пояс — один путь»); чучхе в КНДР; мобилизационные идеи и национально-этнические идеологии «молодых восточных тигров» и т.д. и т.п. Сюда же относятся новейшие отечественные проекты России как отдельного государства-цивилизации и энергетической сверхдержавы, освоения экономики знания и опоры на человеческий капитал, «смены вектора развития с сырьевого на инновационный», культа великой победоносной истории и глобального превосходства отечественной моральной традиции... И все это под аккомпанемент заигрываний с ИИ, военным сверхзвуком и «цифровой цивилизацией».

Весь этот исторический, мировой и отечественный опыт составляет один из базовых слоёв проблемно-тематической карты проекта. Любому коллективу так или иначе приходится рефлексировать над собственной

амбицией, соотнося себя с этим контекстом. Для Института как ответственной исследовательской структуры это типичная ситуация «вызова и ответа». По мнению автора схемы «challenge and response» Арнольда Тойнби на вызов можно и не отвечать, но в данном случае коллектив не может делать вид, что таких программ не существует в природе и что российская разработка не имеет к ним отношения. Показать своё место в таком ряду — действие непростое, даже рискованное, но честное, а главное, необходимое для самоопределения. В биоэтике это называется *информированное согласие*.

В нашем случае подобные предупреждения тем более актуальны. В одном из вариантов проекта «Стратегии развития Института философии РАН» мегатема «Российский проект цивилизационного развития» как раз и была представлена именно в глобальном измерении, как российская альтернатива, с одной стороны, западному, а с другой — китайскому «цивилизационным проектам». При этом проект ИФ РАН был представлен на данном фоне именно как проявление «мягкой силы» и «идеологической мощи России». Но в академической философии вряд ли имеет смысл выставлять напоказ то, что здесь уместнее как раз наоборот, либо элиминировать профессиональной самокритикой (методичной редукцией идеологического) — либо маскировать и секретить как страшную военную тайну. Тот самый случай, когда «на себе не показывают». Это все равно что соблазнять дам собственной героической миссией... резидента под прикрытием⁵. При этом велика вероятность того,

⁵ Н. И. Лапин в своём установочном докладе цитирует данный фрагмент с сочувствием и как директиву: «На этой основе Россия может предложить привлекательный для всего мира проект глобализации как всечеловеческого содружества культур. Такой проект мог бы стать основой мягкой силы России, ее идеологической мощи в современном мире. Он послужил бы действенной альтернативой давно осуществляемому и ущемляющему российские интересы глобализационному проекту, позволил бы составить конкуренцию проекту глобальной идеологии, который активно продвигается Китаем». Независимо от собственно научной этики переход от философии на поляну идеологии не терпит самодеятельности, но требует специальных компетенций. Сами словосочетания «мягкая сила» и «идеологическая мощь» давно вызывают и в научных, и в собственно политических сообществах множество не самых приятных, а то и вовсе одиозных

что именно там, где люди рассчитывают на всемирные аплодисменты, они как раз и выглядят наиболее провинциально — изобретателями идей и пропагандистами ценностей, освоенных давно и без них.

Вместе с тем с точки зрения собственно философии и социо-гуманитарного знания ничуть не менее амбициозной выглядит задача не просто «рабочего», но именно теоретического моделирования проблемного пространства, в которое так или иначе вписывается программа «Российского цивилизационного проекта». Для философии проблема не только в судьбе цивилизации и сосуществовании цивилизаций, но и в парадоксальном сосуществовании плохо совместимых друг с другом дискурсов о цивилизации. И хотя на старте практически невозможно выйти за рамки случайных констелляций исследователей, их интересов, заделов и потенциальных возможностей, понимание этого тем более говорит о необходимости отдельной проработки метауровня — теории и методологии картирования проблемы как целого. Общий дискурс о цивилизации вообще и о цивилизационных проектах в частности представляет самостоятельную философскую и методологическую проблему. Отдельная наука – как внедряться в это множество крайне разнородных языков, не наращивая ситуации сумбура вместо логики.

2.2.

В методологиях и техниках обычного, в том числе архитектурно-планировочного проектирования такие виды работ достаточно устоялись, и это добротные, полезные аналоги. Вовсе не обязательно воспринимать их буквально, но в структурном отношении такие методики более или менее универсальны просто по определению.

Приведённый выше перечень того, что в истории и современности считается классикой цивилизационных проектов (от «Третьего Рима» до «смены вектора»), почти в точности соответствует содержанию так называемых *ситуационных планов*, предшествующих всякому конкретному проектированию. Ещё до составления генерального плана более обширный по охвату ситуационный план показывает, где находится

ассоциаций. Не говоря уже о том, что все это классический язык агрессивного общечеловеческого.

участок на карте целого и ему подобных, каково его окружение, в каких связях и взаимоотношениях с этим окружением он состоит. Защита проекта реконструкции «Усадьбы на Гончарной» по необходимости начиналась бы с представления участка на карте Таганки и Москвы, с обсуждения результатов анализа общей градостроительной ситуации и т.п.

Следующая стадия – так называемые *опорные планы*, показывающие все, что на проектируемом или реконструируемом участке уже существует: строения, зелёные насаждения, коммуникации и т.п. У нас с этим отдельная проблема. Участок «цивилизационного развития» не просто застроен, но застроен сверхплотно и сверхсумбурно и плюс к этому уже картирован множеством сильно не совпадающих друг с другом опорных планов от разных мастерских и инстанций. Совершенно неординарная сложность задачи проявляется в том, что давно сложившееся проблемно-смысловое поле проекта формируется сверхмощной полисемией уже в самой формулировке темы «Российский проект цивилизационного развития», в том числе полисемией каждого из её терминов в отдельности. Слова «проект» и «цивилизация» не просто многозначны, но и принадлежат одновременно разным профессиональным и непрофессиональным языкам, игнорировать которые мы не вправе, даже если эти языки не являются собственно философскими. В этих контекстах слова «российское» и «развитие» также могут иметь весьма разные смыслы. В результате выражение «Российский проект цивилизационного развития» для стороннего реципиента по всем четырём составляющим может означать едва ли не все что угодно. И даже если в своем кругу мы можем рассчитывать на интуитивный смысловой консенсус (хотя тоже весьма относительный), это не столько достижение, сколько констатация потерь. Обосновывая выбор отдельных ракурсов, мы вряд ли сможем убедительно объяснить, на каком основании в проекте как целом игнорируются прочие ракурсы. Критический анализ всех четырёх терминов, входящих в саму формулировку темы «Российский проект цивилизационного развития» см. в Приложении 1: «Анализ и критика категорий». Данный анализ не претендует на полноту, но все же показывает, что диапазон возможных ракурсов и разночтений здесь гораздо больший, чем мы привыкли думать.

Далее набор обязательных проекций классического проектирования включает в себя ряд отдельных схем: функционального зонирования, транспорта и пешеходных коммуникаций, социального обслуживания, зелёных насаждений и рекреации... Смысл подобного схематизма в том,

что каждая из относительно самостоятельных подсистем должна представлять собой законченную, логичную, наконец, просто красивую композицию сама по себе. Когда всё делается вперемежку, отследить качество таких подсистем практически невозможно, а их представление задним числом в отдельной схеме часто удивляет неприятными сюрпризами, когда менять что-либо уже поздно: насаждения и дорожки есть, а логики и композиции нет.

Цивилизации и цивилизационные проекты также состоят из целого ряда таких включённых подсистем. Целые зоны тематического расширения обнаруживаются, если включить в анализ набор категорий и сюжетов, очевидно и традиционно связанных с темой цивилизационных проектов: духовной и материальной составляющих цивилизации; идентичности и культуры; политики и идеологии, психоидеологии и национальных Идей; стратегического планирования и управления развитием; модернизации и демодернизации, вызова и ответа, выбора и судьбы, витального циклизма — расцвета и упадка, жизни и умирания... Все это составляет ещё целый ряд слоев картирования темы в концептуальном, логическом пространстве — цивилизационный проект в разных своих ипостасях, представленный во всех (в максимально широком круге) своих проблемно-теоретических и конкретно-практических взаимодействиях и соседствах. Даже контурный набросок таких возможностей показывает, что работа над темой цивилизационных проектов сплошь и рядом ведётся весьма активно и продуктивно, но только под другими именами, в других категориях, с другими тегами и под другими названиями. Поэтому такие смежные или, точнее сказать, включённые группы проблем лучше анализировать не только в общей сборке, но и по отдельности: отдельный анализ всегда даёт дополнительную глубину.

3. Состав проекта: внутренние резервы и перспективы расширения

«И снится нам, что земля снова молода, – молода и нежна [...] как в минувшие дни [...] прежде чем ухищрения размалеванной цивилизации выманили нас из ее любящих объятий, а ядовитые насмешки искусственности внушили нам стыд к простому житью, которое мы вели с ней...».

Д. К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки.

3.1. Культура

Во взаимоотношениях цивилизации и культуры есть два основных модуса: различие и взаимодействие. Можно составить целую коллекцию более или менее отличных друг от друга формулировок разграничения цивилизации и культуры: в целом эти позиции достаточно известны, и оттачивать дефиниции здесь бессмысленно в силу отсутствия универсальных контекстов.

Точно также выстроены концепции функционального, исторического и т.п. взаимодействия цивилизации и культуры. Шпенглер (изобретатель и классик этой темы) видит в цивилизации закат и сумерки культуры, замещение живых и органических форм духовной деятельности массово-уравнительным механицизмом, формальной институционализацией и технократией, в том числе социальной. «Цивилизация есть совокупность крайне внешних искусственных состояний, к которым способны люди, достигшие последних стадий развития. Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окоченение за развитием... Она неотвратимый конец; к ней приходят с глубокой внутренней необходимостью все культуры»⁶. Но и эти взгляды могут оспариваться и поворачиваться к нам разными гранями. Михаил Эпштейн приводит примеры возникновения культур из цивилизаций: Россия на цивилизационные преобразования Петра ответила в культуре гением Пушкина, а Америка только в прошлом веке сформировала

⁶ Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы. Т. I. Ч. 1. Пб., 1923. С. 33-34.

собственную культуру на базе высочайшей цивилизации, созданной в Штатах ещё в XIX столетии⁷.

На эти и им подобные темы можно читать и писать рефераты, курсовые, диссертации и целые монографии⁸, поэтому тем более настораживает, когда подходы и выводы с большими, даже глобальными претензиями эту фундаментальнейшую тему запросто игнорируют. Более того, когда речь заходит о конкретных цивилизационных проектах с привязкой ко времени и месту, даже эти категориальные разборы отходят на второй план, уступая место проблеме позитивного или негативного отношения к цивилизации как таковой. Ещё острее встаёт вопрос о качестве конкретных цивилизаций в обсуждаемом контексте — в том месте, из которого мы говорим и с ответственным пониманием, кто именно говорит и по какому праву он это делает. В итоге оказывается, что это вопрос даже не анализа, а общего мироощущения, мирочувствия и самооценки в диапазоне от не критического самодовольства до переживания общенационального стыда и вины. Включение коллизии цивилизации и культуры в живой отечественный контекст подрывает идиллию и сильно портит нарциссические образы грандиозности и всемогущества цивилизационных притязаний всемирно-исторического масштаба. Тем более, что «мягкая сила» и «идеологическая мощь» такого типа чаще всего паразитируют на культурном багаже исключительно прошлых поколений. Болезненные, истошные восторги такого рода чаще компенсируют собственное бесплодие, а надрывное отношение к величию прошлого — провалы в настоящем и отсутствие будущего.

Заслуживает специального анализа и вопрос о том, случайно ли и в наших текстах и обсуждениях разграничение цивилизации и культуры сплошь и рядом чётко не проводится, а то и вовсе игнорируется. Соответственно, выпадает из поля зрения богатейшая морально-этическая

⁷ Эпштейн Михаил. Рождение культуры из цивилизации / Эпштейн Михаил. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/index.htm

⁸ См. в частности: Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

и интеллектуальная традиция, а с ней и целый ряд извечных российских проблем, одновременно фундаментальных и крайне болезненных в режиме простого «взгляда из окна». Сказывается ничем не прикрытая именно социокультурная фокусировка едва ли не большинства наших философствований о цивилизации, мало интересующихся экономикой и производствами, торговыми балансами, знанием и технологиями, источниками существования, «материальной цивилизацией» и т.п., проще говоря – «железом» и другими не столь нежными, как культура, материями. Не случайно несколько неожиданным пророком для этой высокой самодовольной традиции оказывается... сэр Уинстон Черчилль с пронзительным: «Россия — страна очень высокой культуры, но довольно низкой цивилизации». Это приговор, с которого, по совести, должен бы начинаться всякий очередной цикл бдений о российских цивилизационных проектах. Но чтобы перевести этот афоризм в статус вывода и задачи, нужна целая конструкция и, что труднее всего, радикально нелицеприятное знание о себе. Если довести дело до гротеска, мы можем оказаться в положении общности, пытающейся учить человечество высокой цивилизации через пару сравнительно обустроенных дыр — «окон в Европу», но оставляя при этом 30% собственного населения без газа и 22,6% без канализации на морозе ниже 30 градусов С⁹.

Эта убийственная статистика резко меняет тон и модальность входа в российский цивилизационный проект, извечной проблемой которого является конфликт столичной иллюминации и витрин с руинированными, местами просто загаженными задворками. Либо мы признаём в одной расколоте цивилизации фундаментальный конфликт, как минимум, двух цивилизаций *локальности второго уровня* — либо продолжаем приставать ко всем со своей всемирной отзывчивостью, даже не задумываясь о

⁹ «В основном без канализации живут люди в селах: об отсутствии этого вида удобств сообщили социологам 66,5% россиян, которые проживают в сельской местности. Росстат подсчитал, что с выгребными ямами сегодня живут 48,1% семей в селах, а более 18% жителей села не имеют канализации вообще. В отдельном строении или дворовой постройке имеют туалет 38,2% сельских жителей и 4,7% городских» (Настоящее Время URL: <https://www.currenttime.tv/a/toilet-russia-village-sortir/29856169.html>).

вопиющей дикости условий повседневной жизни большей части населения «великой страны».

3.2. Идентичность

Возможности одновременного углубления и расширения темы также хорошо видны на проблеме *идентичности*. В разработках, связанных с данной категорией, часто вообще не упоминаются слова «цивилизация», «проект» и т.п. — и при этом здесь могут раскрываться — и, как правило, раскрываются! — важнейшие сюжеты и выводы, касающиеся цивилизационных проектов вообще и российского проекта, в частности. Прежде чем проектировать что-то, а тем более себя, надо ответить на «простые» вопросы: кто ты? что ты о себе знаешь и думаешь? При этом идентичность (за исключением кладбища) ничуть не менее открыта и изменчива, чем проект, а часто бывает даже более динамичной, по сравнению с окостеневающей идеологической, политической и институциональной проектностью. Советский режим был окончательно обречён с момента, когда сам этот проект начал фатально отставать от спонтанно изменяющейся идентичности социума.

Приходится признать, что популярная в нашем сообществе *философия идентичности*, переписывая из книги в книгу общие места про «образ другого» и пр., не так часто снисходит до культурологической, социологической, а тем более лингвистической и филологической конкретики, до проблем с идентичностью не в теории, а в сознании, не вообще, а в России, здесь и сейчас. В Приложении 2: «Идентичность как национальная задача»¹⁰ дана попытка разобраться с актуальной

¹⁰ При составлении данного Приложения частично использованы следующие главы из книги: Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Библиотека ИНСОР, Экон-Информ, 2009:

Идентичность как национальная задача: политический и интеллектуальный аспекты;

Идентичность в постсовременном мире. Атака на самость;

Контуры идентичности. Сборка;

Идентичность как анкета. Вопросы;

Идентичность как опрос. Ответы;

русской идентичностью по стандартной обязательной форме — как если бы страна оказалась перед необходимостью заполнить «объективку», последовательно отвечая на вопросы о своих именах, дате и месте рождения, родителях (отцах-основателях) и ближайших родственниках, социальном и экономическом положении и т.д. и т.п., включая награды и звания (исторические самооценки).

Проблемы начинаются с имени: спортивные комментаторы, свободно пользующиеся выражениями «канадцы забили гол» или «немцы перешли к обороне», вынуждены пользоваться эвфемизмами типа «наши спортсмены», даже на пьедесталах почему-то не именуя их «дорогими россиянами». И так далее — практически по всем пунктам подобного самоанкетирования, включая место рождения, отцов-основателей и т.п. В итоге выясняется, что после развала СССР у Российской Федерации проблемы с заполнением «анкеты идентичности» только усугубляются, в ряде отношений — многократно. Сложный вопрос: что в цивилизационном отношении представляет собой здесь и сейчас это нечто, предлагающее всему миру идеал цивилизационного развития?

3.3. Политика и «выбор», идеология и Идеи

Любые выступления на тему цивилизационного выбора, так или иначе привязанные к конкретной ситуации, нуждаются в специальной рефлексии, касающейся жанровой, идеологической и собственно политической принадлежности такого рода текстов. Обсуждение этих тем в узких кругах может выглядеть сколь угодно академичным и даже быть таковым, однако практически всякое произнесенное здесь слово вольно

Вертикаль социально-экономической идентичности;

Идентичность как субстанция и как институт.

Книга доступна по адресам:
<https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html> или http://www.insor-russia.com/files/Rubchov_Rus_ident.pdf

или невольно, но неизбежно попадает в ситуацию идейно-политической борьбы или, как минимум, регулярной идеологической работы.

В этом решительно нет ничего нового. В своё время точно так использовались даже открытия иных, неевропейских цивилизаций. «Вслед за утопистами пришли светила Просвещения, Вико, Монтескье, Вольтер и Руссо, которые все больше и больше эксплуатировали «реальную» не-Европу как огневое прикрытие своих подрывных сочинений, направленных против тогдашних европейских социальных и политических институтов. В результате, появилась возможность мыслить Европу как всего лишь одну из множества цивилизаций, причем не обязательно Избранную или лучшую»¹¹. Проблема в том, что цивилизационные проекты и все, что с ними связано, относятся к разряду «самонаводящихся» политических вооружений. Они выстреливают в заданном направлении независимо от воли авторов концепций, даже не думавших ввязываться в какую-либо идеологию и политику. И, кстати, при желании здесь вовсе не трудно предугадать, как наше слово отзовется.

Но с другой стороны, в этом взаимодействии есть и активная составляющая. Цивилизационный дискурс позволяет отчасти компенсировать отсутствие собственно политического языка — достаточно приемлемого и общезначимого. Разговоры про цивилизационную традицию, проект и выбор позволяют политикам и власти высказывать идеи и целые программы, которые нельзя озвучить в действующем политическом языке, не вступая в резкий конфликт с нормами действующей Конституции и все ещё остающимися правилами идеологических приличий¹². Примерно в таком же положении оказывается и история, превращающаяся в своего рода гигантскую политическую

¹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. URL: <https://avidreaders.ru/download/voobrazhaemye-soobschestva.html?f=pdf>

¹² См. Приложение 3 «Цивилизационный выбор: идеология и политика», составленное, в частности, на основе публикаций: Рубцов А. В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: реальные и ложные цели // Политическая концептология. 2018. № 4. С. 6-21; Рубцов А. В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: условия задачи // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 17-32.

метафору, рисуящую в образах прошлого тщательно оберегаемые образы будущего, выступать с которыми напрямую пока не получается¹³. Если пока ещё неловко открыто мечтать о репрессивных диктатурах, можно заниматься методичной реабилитацией наиболее выдающихся тиранов, злокачественных нарциссов и просто садистов.

Тем более было бы некорректно делать вид, что отечественная философия от всех этих идеологических контекстов изолирована в «башне из слоновой кости» уже своей академической принадлежностью. Такая лишенная рефлексии позиция выглядела бы сейчас как минимум несвоевременной, а тем более не постсовременной, особенно для философских тем, буквально пропитанных идеологическими контекстами. Все это философствование якобы в себе и для себя давно стало архаикой — уже после марксовской критики идеологии.

3.4. Вызов цивилизации. Сырьевая модель, ресурсный социум и проблема выживания

Ситуация *вызова* – отдельное состояние для цивилизаций. Долгое время в течение сравнительно регулярной жизни никакого вызова может просто не быть, но, однажды возникая, он может становиться и предельно настоящим. Здесь возможны разные измерения: вызов может брошен цивилизации в планетарном и космическом измерениях — как угроза существованию цивилизации на планете и даже в космосе (в контексте «антропоного принципа»), но может ставить перед жестким выбором и любую конкретную цивилизацию из локальных. В любом случае осмысленный и актуализированный цивилизационный проект прежде всего и должен быть именно ответом на вызов.

¹³ См.: доклад «Какое прошлое нужно будущему России», подготовленный при поддержке Комитета гражданских инициатив на базе Вольного исторического общества (основные авторы: Александр Рубцов, Андрей Колесников и Василий Жарков). Краткая версия: <https://komitetgi.ru/service/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%8E%D0%BC%D0%B5.pdf>. Там же размещены полная версия доклада, его презентация и материалы большого социологического исследования с данными серии глубинных интервью и анализом зарубежных исследований (основные авторы: Григорий Юдин и Дарья Хлевнюк).

В настоящее время глобальный вызов при желании можно увидеть в проблеме сосуществования цивилизаций (отнюдь не только по Хантингтону), но и тогда в прояснении нуждается ряд моментов:

1) В чем именно заключается этот вызов и как на него уже реагируют «глобальная» цивилизация и локальные цивилизации, имея в виду, что этот вызов далеко не нов и что в ответе на него многое в мире уже достигнуто, в том числе и без российских инструкций?

2) Как на этот вызов в мире и в России реагируют: а) политика и б) философия? Как соотносятся между собой философская, идеологическая и политическая реакции на данный вызов?

3) Достаточно ли мы внимательны и критичны к ситуациям, когда отечественная философия недооценивает, а то и едва ли не игнорирует сделанное в этом плане мировой философией, а в «полемике на поражение» в качестве оппонента выставляет себе вульгаризацию устаревшей политики, не озадачиваясь к тому же геостратегическими проблемами сугубо российского происхождения?

Вызов цивилизации может иметь прямое и непосредственное отношение к философии – а может и не иметь. Тем не менее философия обязана реагировать на любой цивилизационный вызов, независимо от степени его внешней и формальной философичности. Скорее наоборот, истинно философский уровень как раз и определяется тем, насколько актуальное философствование в состоянии выйти за свои узко понимаемые профессиональные пределы.

Именно поэтому здесь также бывает уместно прибегнуть к нефилософским авторитетам, нередко посрамляющим профессиональную философию пронзительными суждениями именно мировоззренческого свойства. Сэра Уинстона Черчилля с его нелюбимым разделением уровней нашей культуры и цивилизованности здесь превосходит разве что президент РФ. Ещё в 2012 году, на расширенном президиуме Госсовета, посвящённом «национальным целям и стратегическим задачам», Владимир Путин заявил: «...Пока не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария <...> Это неизбежно ведёт к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка <...> Следуя этому сценарию, мы <...> не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни её нормального развития,

подвергнем угрозе само её существование (курсив мой – А. Р.) ...»¹⁴. И добавил: «Говорю это без всякого преувеличения». При этом надо понимать, что здесь мы имеем риторическое завершение целой программы, которой в кои-то веки удалось консолидировать специализированное на теме экспертное сообщество и вменяемую, ответственную часть политического класса¹⁵.

Концептуальное, а в итоге и собственно философское возвышение данной темы шло поступательно, с постепенным пониманием, что проблема не сводится к технологиям, но предполагает кардинальную трансформацию экономики, социальной сферы, политики, идеологии, а в конечном счете и самих архетипов сознания, характеризующих сырьевые модели и ресурсный социум от эпохи льна, леса, мёда и пеньки до периода взлёта и падения относительно модернизированного нефтегазового комплекса. Цивилизационная проблема заключается в необходимости преодоления мощных инерций ресурсного социума, веками воспроизводящего фундаментальную схему Ключевского: «Государство крепло, а народ хирел».

Более того, проблема этого именно цивилизационного вызова, брошенного историей российской цивилизации как вековому инварианту усугубляется целым рядом привходящих обстоятельств:

- сырьевое проклятье со временем поражает и прочие, несырьевые сферы (в сырьевые отрасли и производства низких переделов превращается даже Наука и образование, даже производство мозгов и

¹⁴ См.: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>

¹⁵ В почти равной мере это относится к официальной «Стратегии 2020» и к стратегическим проектам Института современного развития – ИНСОП (Обретение будущего. Стратегия 2012. М., 2011; Обретение будущего. Стратегия 2012. Конспект. М., 2011; Россия XXI века. Образ желаемого завтра. М., 2010), не говоря об индивидуальных разработках: Рубцов А., Богословский С. Мегaproект для России: идеология, политика, экономика. Москва, изд-во «Известия» УД АП РФ, Спецпроекты, 2007; Рубцов А., Богословский С. Мегaproект. О формате и контурах стратегии национального развития. М., Социум, 2008.

знания, тоже экспортируемых в виде сырья но в отличие от нефти практически задаром);

- сырьевое проклятье переходит в проклятье институциональное, вследствие чего институциональные реформы превращаются в подлинную войну за государство, в которой партия сырьевой модели будет побеждать вплоть до момента обрушения сырьевой экономики, когда несырьевая альтернатива в одночасье потребует в полном объеме и в готовом виде;

- независимо от оставшегося ресурса времени, зоны принятия решений и точки невозврата страна проходит уже сейчас и вполне возможно, что точки невозврата уже пройдены.

Было бы ошибкой думать, что подобные коллизии являются порождением нашего времени. Новейшие исследования цивилизации майя показывают, что данная цивилизация исчезла одновременно с истощением источников существования под влиянием неоднократной засухи. В этом контексте есть достаточно оснований говорить о специфических (и при этом весьма разнообразных) реалиях так называемых *нефтедобывающих цивилизаций*¹⁶. Не надо напоминать, какое влияние на падение советской цивилизации оказало обесценивание нефти. Не исключено, что резкое ускромнение попыток решить проблему сырьевой модели в наше время связано с подозрением, что фатальные изменения и сейчас уже необратимы. Эпидемия коронавируса может оказаться в этом отношении лишь дополнительным катализатором.

3.5. Российский цивилизационный проект на «движущейся платформе» цивилизаций Модерна и постмодерна

Российский проект в принципе невозможно рассматривать вне коллизии Модерна и постмодерна по целому ряду оснований.

С известными и не самыми существенными оговорками Модерн, как и постмодерн, является именно отдельной и достаточно определенной цивилизацией. Более того, этот цивилизационный слом создаёт ситуацию

¹⁶ См.: Приложение 4. «Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия».

движущейся платформы, на которой разыгрываются практически все базовые коллизии более локальных ситуаций нашего времени.

Переоценка ценностей, основанная на критике катастроф Высокого Модерна и породившая собственно постсовременную альтернативу, во многом была связаны с ужасающим опытом двух тоталитарных колоссов, немецкого и российского. Речь идёт об идеях и реализациях тотальных проектов, бывших идеалом всего Нового времени, пока воплощение этих идеалов не показало, что жить в макетах, реализованных в натуральную величину, невозможно, независимо от качества этой градостроительной, политической и идеологической архитектуры.

Фундаментальная и именно цивилизационная проблема нынешней России как раз и заключается в столкновении незавершённого позитива Модерна с экстремальным политическим постмодернизмом, последовательно разрушающим принципы порядка, денотации и адекватности смысла и заменяющим все это совершенно отвязанной эклектикой и «онтологической» безответственностью.

Основные принципы этой концепции в сжатом виде представлены в Приложении 5, а также в цикле публикаций автора об «Архитектонике постмодерна» в журнале «Вопросы философии», в недавней статье в журнале «Человек» «Миллениалы эпохи postmodern» и др.

4. Порядок из хаоса. Хаос из порядка

4.1.

Такого рода систематическое картирование проблемного поля можно и нужно было бы продолжить. Отдельный слой — типология и география цивилизаций, система взаимоотношений данного проекта с другими цивилизационными образованиями в классификациях, в истории и в мире. Здесь также проявляется множество параметров: моменты притяжения и отталкивания, аналоги и противопоставления...

Уже в обычной географии совмещение методом накладки, например, политической и физической карты мира даёт новое знание: такие визуализации показывают, каким образом природа своими естественными

рубежами, ландшафтом и климатом, полезными ископаемыми и другими ресурсами участвует в формировании межстрановых, межгосударственных границ и отношений. Такие тематические наслоения в изучении проектов цивилизационного развития, также имеют более одного слоя картирования.

В свою очередь все эти слои нанизаны на отдельную иерархию размерности (иерархию масштабов цивилизаций), что даёт дополнительные измерения в общей объемной комбинаторике. Эти масштабы также могут быть по-разному актуализированы. Так, глобальный коронакризис буквально на глазах все более легализует употребление термина цивилизация именно в планетарном масштабе¹⁷. И философия, конечно же, не вправе не реагировать на такие изменения в составе общеупотребимых слов и смыслов, постепенно становящихся общезначимыми.

Вместе с тем не менее, а, возможно, и более продуктивным в наше время может оказаться движение к противоположному полюсу — к мини- и микромасштабам, когда цивилизация начинает пониматься не как отдельный окантованный объект, существующий как самодостаточное и полноценное целое в так или иначе означенных границах, а как составляющая, которая может быть вплетена в более общие интегральные цивилизационные образования. В этом смысле Россия может быть одновременно и разделена на ряд резко конфликтующих цивилизаций внутри себя, и распределена как разделённая цивилизация в мире. В этом отношении нечто подобное может происходить и с другими

¹⁷ Важно даже не то, что произносится однажды, а как это расходуется. «Медведев назвал пандемию COVID-19 угрозой цивилизации, но призвал россиян не паниковать» (Коммерсантъ, 30 мар. 2020 г.); «Это реальная угроза для человеческой цивилизации». Медведев сравнил пандемию коронавируса с антироссийскими санкциями (Новости Санкт-Петербурга, 29 мар. 2020 г.); «Медведев в обращении к россиянам назвал коронавирус угрозой цивилизации» (РБК, 30 мар. 2020 г.); «Медведев назвал коронавирус угрозой всему человечеству» (РИА Новости, 30.03.2020). Список таких заголовков легко увеличивается в несколько раз. В том же духе Владимир Путин высказался 23.12.2020 года на встрече с членами Правительства РФ.

цивилизациями. Не исключено, что отнюдь не только искусство заголовка подвигает авторов писать тексты с такими лихими названиями: «Исламский цивилизационный проект: то, чего нет»¹⁸.

Ко всей этой и без того трехмерной модели можно добавить ещё и четвёртое, временное, темпоральное измерение. И тогда мы получим основу для сильной комбинаторики, помогающей отслеживать самые разные аспекты цивилизационного процессинга и проектирования. Чем-то

¹⁸ «Само понятие «исламский мир» — довольно расплывчатое. Оно может обозначать как всех мусульман мира, так и совокупность стран, большинство населения которых исповедует ислам. Однако традиционно термин «исламский мир» используется в контексте теории локальных цивилизаций — как обозначение одной из них.

Проблема в том, что сама теория локальных цивилизаций не слишком хорошо обоснована. Интуитивно мы понимаем, что имеется в виду под конкретными «цивилизациями» и где проходят их границы, но рационально объяснить, «с чего мы это взяли», более-менее внятно не получается. Ещё русско-американский «отец социологии» Питирим Сорокин обращал на это внимание. Например, к числу локальных цивилизаций традиционно причисляют Европейскую, Китайскую и ту же Исламскую, но при этом Европа — это географическое понятие, Китай — политическое, а ислам — религиозное. Есть ли между выделяемыми по столь разным признакам социальными группами что-либо общее?». «Далеко не все территории, где живут мусульмане, могут рассматриваться как бесспорные части единой культурной, цивилизационной, тем более политической целостности с общей проектностью. Например, мощнейший населённый мусульманами регион расположен в Южной Азии — он тянется от Пакистана через исламскую часть Индии в Бангладеш (бывший восточный Пакистан). но является ли это всё частью исламского мира как локальной цивилизации? Далеко не факт. Дело в том, что Пакистан — исторически есть часть Индии. И это не просто «окраина», подпавшая под инокультурное (исламское) влияние. Это — важнейшая часть индийской локальной цивилизации (а в том, что Индия представляет из себя таковую, сомневаться не приходится в любом случае)» (Макаров Искандер. Исламский цивилизационный проект: то, чего нет // СОНАР, 24.10.2017 (<https://www.sonar2050.org/publications/islamskiy-civilizacionnyy-proekt-to-chego-net/>))

это напоминает великую «машину Луллия», которая простым механическим перебором сочетаний слов должна была спродуцировать и все возможные литературные и научные произведения, которые только вообще могут быть когда-либо и кем-либо написаны. Однако все эти почти линнеевские классификации в случае с цивилизационными проектами имеют исключительно эвристический, я бы даже сказал вспомогательный смысл. Работа с реальными, живыми объектами в этом духе неизбежно приводит в редукции, быстро переходящей в ригидность. «Наука» превращается в бесконечные споры о словах и в выяснение правоты позиций, которые вообще находятся вне альтернатив правильного и ошибочного. Сама специфика объекта здесь требует перехода от традиционной систематики к существенно иным парадигмам, во многом характерным для постмодерна и даже постмодернизма.

4.2.

Трудно найти примеры более разнородного, внутренне противоречивого и нестроного, даже хаотичного словоупотребления, чем в дискурсе о цивилизации. Денис Летняков резко и в целом адекватно реагирует на эту откровенно запутывающую и слишком нестандартную ситуацию — и это только если иметь в виду собственно научную сферу. Однако философский анализ обязан учитывать всю совокупность языков, в которых так или иначе представлен дискурс о цивилизации. Это языки собственно философии, научной теории и истории, культурологии и политологии, исследований в области идеологии и пропаганды, техносферы и экологии, международных отношений и общей глобалистики... А главное, это ещё и язык практики, живого интеллектуального общения и прямая политическая речь, начиная с бесконечного множества интереснейших бытовых суждений и заканчивая высказываниями духовных вождей, лидеров движений и представителей высшего политического руководства. Надо лишь выйти из заповедника внутренней переписки между коллегами и замкнутого круга привычного письма и чтения. Как только начинаешь собирать такого рода коллекции, тут же выясняется, что во всем этом массиве высказываний плотность полисемии, разночтений, противоречий и контрарных оценок выглядит просто катастрофической. Будто люди на разных языках говорят об одном и том же — или, наоборот, на одном языке говорят о совершенно разных вещах, совершенно этого не замечая.

И вместе с тем приходится признать, что это не тот случай, когда в дискурсе о цивилизации можно радикально внести сколько-нибудь приемлемый (в традиционном смысле) порядок, а тем более отказаться от самого этого слова и всего связанного с ним вокабулярия — какая бы путаница при этом ни возникала.

Скорее наоборот, само это внешне не организованное множество употреблений одного и того же слова порой в совершенно разных объемах, аспектах, оценках и даже смыслах есть одновременно и данность речи — и свойство самого предмета. Соответственно, это же относится к связанным суждениям и высказываниям, причём как в теоретическом и историческом дискурсе о цивилизации, так и в соответствующей «этнонауке», в обыденном знании. Борьба с этим бесполезно — это надо принять как уникальный дар и исследовать с благодарностью и благоговением. Не каждой науке в качестве предмета выпадает такая захватывающая «природа».

Привычная логика, обыденная и научная, всегда хочет порядка, но в данном случае вынуждена приходить к нему через не вполне осознанную редукцию. Если исследовать корпус словарных статей и даже большинства основополагающих работ о цивилизации и цивилизациях, о цивилизационных процессах, проектах и т.п., то окажется, что в каждом из этих текстов по отдельности царит своя собственная упорядоченность и правильность, достигаемая... изоляцией от всего, что мешает схеме. Хаотизм возникает при введении этих текстов в единый внутренне взаимосвязанный корпус. Если же эти тексты деконструировать до уровня молекулярных а затем и атомарных высказываний и суждений, то этот хаотизм, во-первых, окажется на порядок большим, чем это видится даже в самых отчаянных оценках, а во-вторых, очевидно непреодолимым без серьезных потерь, возможно даже, изменяющих самой природе объекта.

И наоборот, если каждое из таких словоупотреблений трактовать как одно из «лиц» слова «цивилизация», то это тот самый случай, когда речь по определению идёт о «неопределённом круге лиц». При этом сразу лучше исходить из того, что каждое такое «лицо» имеет право на существование и в задачу аналитика входит не полицейская функция контроля, а тем более ограничения таких прав, но самостоятельное, инициативное и именно адвокативное изыскание таких прав в интересах лица и в презумпции их априорного наличия. Речь идёт не об

избирательно прореживающей, а именно о понимающей аналитике (спасибо Эмилю Дюркгейму с его «понижающей социологией») ¹⁹.

4.3.

Однако сама эта задача — увидеть во всём этом хаосе россыпь, а не мусор — нуждается в теоретическом осмыслении и построении неклассической методологии анализа. Не исключено даже, что речь идёт о выборе на уровне философской парадигмы: есть подозрение, что не всякая философия в силах справиться с подобными мерцающими множествами просто по определению, в силу принадлежности к иной интеллектуальной среде, к иному миру представлений и реалий.

¹⁹ Внутренняя полемика (а часто и вовсе её имитация) по поводу «правильных» смыслов и понятийных свойств в дискурсе о цивилизации, в таких случаях часто оказывается не только ничего не дающей, но именно контрпродуктивной. Искусственно создается видимость проблемного напряжения и движения мысли там, где его на самом деле нет. В результате сколь угодно эффектные фактурные построения современных авторов оказываются не более чем навязчивым доказательством позиций, с которыми в здравом уме никто и так не стал бы спорить. При этом срабатывает достаточно простой проверочный тест. Надо всего лишь убрать из предмета полемики имена собственных критикуемых авторов и их концепций и на освободившемся месте реконструировать объект критики только на основании доводов самого инициатора конфликта — как прямое заткало критики. Сплошь и рядом в таких случаях оказывается, что победа в споре достигается тем, что авторитетнейшие теории низводятся до уровня ригидных тезисов, которым и в самом деле впору отказать в простом человеческом разумении. Как и их заслуженным авторам. Это, конечно, льстит самомнению отважных полемистов, но не более того.

Кстати прием не случайно напоминает сталинскую манеру с постоянными водными оборотами типа: «Нас тут спрашивают...», «Некоторые товарищи считают...» «Как отнестись к...». Эти подводки выполняет важную функцию: без них простое изложение контента выглядело бы немотивированным представлением благочестивых, но мало кого интересующих банальностей.

«Обтряхивающая» редукция всегда соответствует поискам сущности. Поэтому и оппонента, как правило, здесь опровергают одним ударом, какие бы фундаментальные исследования за его тезисом ни стояли. Отсюда все те же претензии написать сводное каноническое определение – дать единственно верную и полную дефиницию цивилизации. Отсюда такие же судьбоносные развилки: подвержены цивилизации изменениям или нет, сколько цивилизаций было в истории России – две или одна?

Постсовременное состояние дискурса о цивилизации, возможно, располагает к столь же неклассическим парадигмам, например, в духе постсовременного прагматизма Ричарда Рорти, в особенности к его классическому пониманию фундаментальной иронии. «Метафизики верят, что во внешнем мире имеются реальные сущности, раскрывать которые наш долг, да и сами сущности расположены к тому, чтобы их открывали»²⁰. «Ироник же, наоборот, является номиналистом и историцистом»²¹.

С этой точки зрения все множество предметов, аспектов, суждений и оценок, которое мы получаем в результате предыдущего объемного картирования, представляется скорее массой, применительно к которой и в самом деле не работают оппозиции правильного и неправильного, высокого и низкого, главного и второстепенного, центрального и периферийного, маргинального. Скорее все это в целом более напоминают *ризому* Делеза и Гваттари, по конструкции не сводимую не только к ячеистым решеткам, но и к древовидным, иерархически ветвящимся организованностям. Номиналист и историцист не пытается навязать этой ризоме тот или иной правильный схематизм, но делает на ней какие угодно срезы, каждый раз открывающие новые смысловые композиции — своего рода концептуальные маршруты. «Цивилизация риса» только кажется чем-то, имеющим мало отношения к традиционной, а тем более к современной России. Однако грамотный срез показывает, что дикая жара и безумная скученность населения в этой цивилизации, к которой и сейчас относится более двух третей населения Земли, автоматически воспроизводят точно те же фигуры социальности, которые в соответствии с заслуженной аналитической традицией в России считаются следствием

²⁰ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 106.

²¹ Там же. С. 105.

холодного климата и фатальной разреженности населения на большей части территории страны. Ключевский со своим сакраментальным «Государство крепло...» был бы и здесь более чем уместен, и я не удивился бы, если бы поговорка «Бабы новых нарожают» оказалась ещё и китайской.

Смысл такой маршрутизации заключается также в том, что она позволяет осмысленно выбирать те или иные наиболее значимые акценты. Для одних цивилизаций (или в конкретных ситуациях) принципиально важной оказывается проблема собирания или утраты идентичности, а также территориальной интеграции, дезинтеграции и реинтеграции. В других случаях проблемы могут обостряться в связи с разрушением господствующей идеологии и самой идеократии, а соответственно – и с дезориентацией сознания общества. Особые случаи составляют вышеописанные ситуации цивилизационного вызова и выбора, внутреннего или внешнего.

Здесь же важно оценить саму возможность определения удельных весов и акцентов таких факторов в исследовании цивилизационных проектов. Одно дело, когда «цивилизация в целом» и конкретные цивилизации буквально бесятся с жиру, деградируя духовно и морально, и совсем другое — когда страны, упиваясь мифами своей якобы неповторимой духовности, на глазах распадаются как материальные цивилизации, едва ли не полностью импортируя всю свою технико-технологическую «современность». Истории известны случаи, когда цивилизации оставались практически без источников пропитания и средства существования, и эта всемирная история ещё не кончилась — пусть в не столь буквальных версиях. Логика упадка и гибели — цивилизационная эсхатология — теоретически исследована явно недостаточно особенно в отношении современности и перспективы. На это с особой силой обращает внимание разразившийся именно в наше время коронакризис.

Также здесь важны и продуктивны совпадения типологии цивилизаций, их географии и даже «социологии идей». Если допустить, что СССР (плюс частично соцлагерь и мировое освободительное движение) географически и исторически, пространственно и темпорально был одной из локальных цивилизаций, то окажется, что для одних стран и целых цивилизационных ареалов он был источником идей, идеологии и образцом ее лидирующего воплощения, а для других — одновременно военно-стратегическим соперником, конкурентом в области вооружений,

высоких военных технологий и... все той же «страной-бензоколонкой». Перебирая такого рода крайне разнообразные комбинации, мы периодически оказываемся в положении пользователя игрового автомата, в котором с известной «логикой» и частотностью выпадают одновременно два, три, а то и все четыре играющих знака.

Особенно это значимо при переходе к максимальной локальности, фрактальными единицами которой являются даже не отдельные страны и государства, а наблюдаемые в них элементы, включения самоподобия или заимствования. В этом плане Россия есть одновременно: 1) часть мировой цивилизации, 2) редчайший случай цивилизации, располагающей ресурсом уничтожения цивилизации на планете Земля, 3) достаточно определённая локальная (одна из локальных) цивилизация, 4) образование, пережившее в своей истории смену достаточно самостоятельных цивилизаций, 5) особого рода более или менее эклектическая сборка отдельных цивилизационных фрагментов, вкраплений и переплетений. Если сменить оптику и сделать фокус существенно короче, то окажется, что и Российская империя, и СССР, и постсоветская Россия – все это ещё и сростки существенно разных сверхлокальных цивилизаций. Считать одной цивилизацией советскую Прибалтику и республики Средней Азии можно было лишь с очень большими поправками, оговорками и уточнениями.

4. 4.

Тем более усложняется картина при подключении четвёртого измерения (причём это именно отдельное темпоральное измерение всей модели, поскольку фактор времени в узком смысле по-разному реализуется в истории, на разных этапах становления).

В качестве примера можно привести один только сюжет переплетения смыслов в понимании цивилизации как процесса и как состояния в наложении на множественность вызовов и ответов, касающихся локальных цивилизационных образований в рамках одной интегральной цивилизации.

Все сочинения на тему цивилизации, не слишком далеко выходящие за круг представлений Википедии, начинаются с утверждения, что изначально понятие цивилизации употреблялось именно как обозначение процесса цивилизации и лишь в 20-м веке более укоренилось в картине

синхронного сосуществования ряда локальных цивилизаций. Это по-своему логично в той мере, в какой на определенном этапе то, что уже тогда именовало себя «цивилизацией», само переживало стадию активного цивилизационного прогресса. Далее «процесс цивилизации» выражается в распространении основ и благ «цивилизации как таковой» на нецивилизированную или недостаточно цивилизованную часть человечества. И лишь затем термин цивилизация начинает употребляться в основном как существительное и, как правило, во множественном числе. Такова почти каноническая схема²².

Однако более короткофокусная наводка открывает несколько другие хроники и хронологии. Все начиналось гораздо раньше: «На протяжении XVI столетия «открытие» Европой великих цивилизаций, известных до той поры лишь по смутным слухам (в Китае, Японии, Юго-Восточной Азии и на Индийском субконтиненте) или даже вовсе неизвестных (ацтекской Мексики и инкской Перу), внушало идею о неисчерпаемом человеческом многообразии. Большинство этих цивилизаций развивались совершенно независимо от известной истории Европы, христианского мира, античности и, по сути дела, человека: их генеалогии лежали в стороне от Рая и не вписывались в него. (Лишь гомогенное, пустое время могло стать их вместилищем.). О влиянии этих «открытий» можно получить представление по своеобразным географиям воображаемых государств той эпохи»²³.

²² ««Утопия» Мора, появившаяся в 1516 г., преподносилась как рассказ одного моряка, принимавшего участие в экспедиции Америго Веспуччи в Америки 1497—1498 гг., которого автору якобы довелось встретить в Антверпене. Новизна Новой Атлантиды Фрэнсиса Бэкона (1626), возможно, состояла главным образом в том, что он расположил ее в Тихом океане. Великолепный остров Гуинггнм Свифта (1726) появился вместе с фиктивной картой его местоположения в Южной Атлантике. (Смысл этих расположений, возможно, станет еще более ясным, если учесть, насколько нелепо было бы поместить на какую-либо карту, поддельную или настоящую, платоновскую Республику.)

²² См.: Бенвенист Эмиль. Цивилизация. К истории слова / Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. М.: . С. 386-396.

²³ Андерсон. Цит. соч. С.

Все эти лукавые утопии, «смоделированные» по образцу реальных открытий, изображаются не как потерянный Рай, а как тогдашние современные общества. Можно утверждать, что таковыми они и должны были быть, поскольку сочинялись как критики тогдашних обществ, а названные открытия положили конец необходимости искать модели в давно минувшей древности»²⁴. При желании в этом можно увидеть даже первые подходы не только к логике локальных цивилизаций, но и к тому, что впоследствии стало называться постколониальным и даже постсовременным²⁵.

Особый интерес (в том числе именно для России) представляют случаю синхронного темпорального расслоения, когда цивилизация пребывает в разных временах сразу. «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010)», разработанный Отделом по исследованию стратегии модернизации Китая Китайской академии наук, полный сухих формализмов и Econometrics, начинается с философического и одновременно эпически-лирического полотна: четыре течения великой Янцзы, от Тибета до океана, соответствуют четырем стадиям эволюции — здесь и сейчас последовательно наблюдаются примитивные общества, аграрные, индустриальные и постиндустриальные (история, отлившаяся в географии)²⁶. При этом Стратегии модернизации Китая строят модели с временным горизонтом до конца этого века... Становится неловко за наши

²⁴ Ср.: Рубцов А. В. Всемирная отзывчивость как предтеча русского постмодерна / Доклад на VII Конференции философов Востока и Запада, январь 1995, Гонолулу, США (The Seventh East-West Philosophers' Conference («Justice and Democracy»)).

²⁵ См.: «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010)». М.: «Весь мир», 2011, изданный на русском языке по инициативе и под редакцией член-корр. РАН Н.И.Лапина. См. также: Александр Рубцов. Уроки китайского // Ведомости от 29.11.2011. https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/2011/Vedom_29_11.html

²⁶ Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. - М., 1996. - С. 256-309. <http://www.univer.omsk.su/students/s01percev/socio/durk1.htm>

«2020», почему-то называвшиеся «среднесрочными» и засоренные мелочами при дефиците стратегического видения. К тому же китайцы исследуют свою модернизацию не «в среднем по госпиталю», но с учетом региональных различий и асинхронности. Если свои же общие показатели мы сможем и дальше заимствовать у трудолюбивого соседа (хотя бы и с коррективами), то философию модернизации и ее региональную стратификацию за нас не сделает никто.

4.5.

И наконец, особая аксиология проблемы — вопрос о положительных и отрицательных интегральных оценках самого явления цивилизации, причём не в профессиональной научной и философической аналитике, а именно в этнонауке и сознании общества, в обыденном словоупотреблении. Так, можно сделать далеко идущие выводы об отношении к цивилизации из следующего уже почти держурного заявления: «Вся европейская цивилизация эволюционировала на нравственных принципах христианства. Коммунистическая идеология тоже восприняла их, взяв многое из Нового завета» (Патриарх Алексий 2). Здесь нет и тени настороженности в отношении к явлению цивилизации вообще и к явлению европейской цивилизации в частности — и это идеологическая и общеполитическая позиция РПЦ прошлого издания!

В повседневной речи и письме нередко легко уживаются и прямо противоположные оценки. Из воспоминаний Великого Князя Александра Михайловича:

«Я написал эту книгу, не преследуя никаких политических целей и никаких общественных задач.

Просто в соответствии с пережитым я захотел рассказать, что память сохранила, а главное отметить этапы того пути, который привел меня к мысли, что единственное ценное в нашей жизни это работа духа и освобождение живительных сил нашей души от всех пут материальной цивилизации и ложных идеалов (Париж, Июнь 1932 г.).

«Народы западной цивилизации именно и являются печальными пришельцами, но там, на нецивилизованном востоке никто еще не утратил надежду на лучшую жизнь за гробом...».

В том же духе цитируется Императрица (о Распутине): «...Но ты ведь знаешь, Аликс, что Бог никогда не наделяет способностями творить чудеса детей цивилизации».

Что не мешает тому же автору тут же легко и органично писать о цивилизации в традиционно позитивном ключе:

«Николай обладал всеми качествами лойяльнейшего президента цивилизованной республики, что заставляло его часто забывать, что Невский проспект и Елисейские поля – это далеко не одно и то же». «Мы не поняли того, что помощь белым армиям являлась залогом победы над тем злом, которое угрожает всему цивилизованному Миру». «Когда я нахожусь в Европе, я всегда испытываю чувство, как будто гуляю по красивым аллеям кладбища, в котором каждый камень напоминает мне о том, что цивилизация покончила самоубийством в августе 1914 года». «Я не считаю современной эпохи ни цивилизованною, ни христианскою».

При этом парадоксально, что негативная предустановка может присутствовать в самых, казалось бы, неромантичных концепциях и теориях: «Или, как это думает Спенсер, такой пружиной является потребность наибольшего счастья, которая все полнее удовлетворяется более сложными формами цивилизации? Тогда следовало бы доказать, что счастье возрастает вместе с цивилизацией...». «Даже если правда, что теперь мы склонны искать счастье в промышленной цивилизации, то ничто не убеждает нас в том, что в будущем мы не будем искать его в чем-нибудь другом»²⁷.

Главное в этой бесконечной россыпи — удержаться от выяснения, кто прав, а кто заблуждается и признать такого рода амбивалентность свойством самого предмета. Такой взгляд на вещи защищает от бесконечных и столь же бессмысленных дискуссий и учит скорее аналитической эмпатии — стремлению понять мотивы, смыслы и интенции людей, делающих подобные заявления о цивилизации и отцивилизациях, даже если при этом они, казалось бы, самым неподобающим образом противоречат сами себе.